

Из тетради 63

Р. Штейнер и атомизм. Две статьи из ранних сочинений

Перевод с немецкого Л.Б. Памфиловой

О содержании тетради

С различных сторон нам присылают запросы по поводу двух ранних статей Рудольфа Штайнера об атомизме, которые появились в 1941 году при публикации ранних литературных произведений, том IV, тетрадь 19 «Естествознание и психология». Так как в обоих случаях речь шла о работах, которые остались ненапечатанными при жизни Рудольфа Штайнера, их новая публикация предусмотрена при опубликовании наследия в полном собрании трудов в томе «Наброски и фрагменты». Между тем составление этого тома займёт ещё некоторое время, поэтому обе статьи сначала будут доступны для интересующихся читателей в предлагаемой тетради.

Статью *«Единственно возможная критика атомистических понятий»* двадцатидесятилетний студент Рудольф Штайнер отправил философу и эстетике Фридриху Теодору Фишеру. Во многих докладах 1917 года, а также вновь в составленном в 1923 году предисловии к новому изданию книги «Основные черты теории познания гётевского мировоззрения с особым вниманием к Шиллеру» Рудольф Штайнер указывал на значение этой юношеской работы и на своё внутреннее отношение к Фридриху Теодору Фишеру. Так в одном докладе, прочитанном в Штутгарте 12 мая 1917 года, он характеризует статью как «первое начало того, что я могу обозначить как духовную науку».*

Рукопись, долгое время считавшаяся утраченной, была обнаружена при новом упорядочивании наследия Ф. Т. Фишера, которое перешло в Тюбингенскую университетскую библиотеку, и в том же году впервые была издана Пихтом в еженедельнике «Гётеанум», 18-й год издания, № 23 и 24. Места, напечатанные в последующем тексте курсивом, в рукописи оригинала, по утверждению Пихта, подчеркнуты синим предположительно Фишером, так как он их, вероятно, особо одобрил. Напротив, предложение «Чувственное содержание было у него единственным видом заполнения» (середина первого абзаца) он написал на полях со знаком вопроса. Сноски

* Доклад, как и процитированный на с. 12 и след. параллельный доклад, Лейпциг, 11 июня 1917 года, не был принят в полное собрание трудов, так как доклад, прочитанный 1 марта 1917 года в Берлине, на подобную тему, «Бессмертие души, силы судьбы и человеческий жизненный путь», содержащийся в томе «Дух и вещество. Жизнь и смерть», GA 66, имеется в лучшей записи.

заимствованы из оригинальной рукописи, то есть принадлежат Рудольфу Штайнеру.

Напечатанное при сём сопроводительное письмо Фридриху Теодору Фишеру содержит весьма значительное высказывание юного Рудольфа Штайнера о его внутреннем развитии. По этой причине письмо в факсимиле было также приложено к автобиографии «Мой жизненный путь», 7 издание 1962 года, GA 28.

Датированная 23 сентября 1890 года рукопись второй статьи «Атомизм и его опровержение» обнаружена в 1935 году в венском наследии.

Воспроизведённые в факсимиле страницы из-за недостатка места необходимо было уменьшить на 10%.

Обе статьи служат доказательством того, что построение мира атомов в качестве первопричины всех явлений природы познавательно несостоятельно. В акте познания должны дополнять друг друга внешний опыт чувственного восприятия и внутренний опыт мышления, такие требования Рудольф Штайнер предъявляет уже в статье 1882 года. Хотя атому придаются чувственные свойства, но одновременно приписывается и недоступное чувственному опыту существование. Если атомы должны находиться в постоянном движении, то этим далее предполагается существование некоего абсолютного пространства и некая последовательность, то есть некое абсолютное время. Но, говоря об объектах чувственного мира, невозможно выразить абсолютное пространство. Точно так же и время для нашего сознания дано «только в процессах и с процессами чувственного мира». В этой связи Рудольф Штайнер говорит о «большом количестве ложных представлений, которые распространились именно через неверные понятия о пространстве и времени». К тому периоду ему уже открылось познание противоположного течения времени, которое представляет собой центральный элемент его духовной науки.*

По поводу первой, как и в особенности более поздней – 1890 года, статей, конечно, можно сказать, что представления, на которых строилась тогдашняя атомистика, многократно коренным образом изменялись, но что выведенный из этого механически-материалистический образ мира как таковой не претерпел никакого изменения. К этому образу мира неизменно относится то, что Рудольф Штайнер говорит о безотрадности научного способа представления, в котором идеи и идеалы не имеют никакой реальной ценности.

Но постижима ли вообще сущность атома феноменологически? На этом Рудольф Штайнер детально останавливается во вступительном докладе первого естественнонаучного курса, прочитанного в Штутгарте с 23

* См. Хелла Висбергер «Жизненный труд Рудольфа Штайнера в его реальности есть его жизненный путь» /«Rudolf Steiners Lebenswerk in seiner Wirklichkeit ist sein Lebensgang»/ в «Beiträge» № 49/50 Австрия 1975.

декабря 1919 года по 3 января 1920 года, который был опубликован под названием «Духовнонаучные импульсы к развитию физики», GA 320, и кроме того, в добавленном к этому же тому в приложении ответе на вопросы, в котором говорится: «Атомы должны рассматриваться как идеальные (пространственные) ёмкости; содержанием являются результаты встречающихся друг с другом силовых воздействий».

Рудольф Штайнер не высказывается против того, что атом применяется в физике как рабочая гипотеза. В докладе от 16 октября 1915 года, содержащемся в томе «Оккультное движение в девятнадцатом столетии и его отношение к мировой культуре», GA 254, эта гипотеза признаётся как «некая аббревиатура, некая расчётная монета».^{**} То, что в развитии однажды «появился полностью пустой материалистический образ мира», Рудольф Штайнер характеризует как необходимость. Одновременно он детально останавливается на вопросе, как вообще человек пришёл к тому, чтобы придумать мир атомов: он внутреннее переживание своих нервных стволов оккультно-физиологически проецирует в пространство. Принимая во внимание их основополагающее значение, мы сразу после второй статьи по атомистике вновь даём эти высказывания Рудольфа Штайнера.

Следует упомянуть, что он в более обширном контексте излагает другой оккультный аспект системы атомов в докладе в Берлине, 7 августа 1917 года, содержащемся в томе «Человеческие и общечеловеческие истины развития. Карма материализма», GA 176.

Его духовному взору открылась также страшная опасность, которая проистекает из того, что разрушительные духовные силы овладевают преждевременными изобретениями, до применения которых человечество морально не доросло. Эти тёмные силы хотят положить конец земной миссии через досрочное уничтожение планеты. При этом Рудольф Штайнер явно имел в виду разрушительный потенциал атомной физики, как в докладе от 11 октября 1911 года «Эфиризация крови», напечатанном в томе «Эзотерическое христианство и духовное водительство человечества», GA 130. Это те обстоятельства, при которых речь идёт о дальнейшем существовании человечества. Они однако лежат вне темы этой тетради и здесь не рассматриваются.

Лишь кратко следует указать на то, что «пра-атом», как он характеризуется в третьем и четвёртом докладах цикла «Египетские мифы и мистерии», никакого отношения не имеет к вещественному образованию. Он представляет собой идеальный образ будущего человека, который

^{**} Вышеупомянутое было высказано Рудольфом Штайнером в четырёх докладах, на которые он много раз ссылался, брошюра Ф. фон Врангеля «Наука и теософия», Лейпциг 1914. Эти доклады опубликованы в другой связи под номером GA 164.

атлантические посвящённые ставили перед созерцающим взором своих учеников.

Напротив, представленные Хюббе-Шляйденем теософские теории, в соответствии с которыми прачастицы мировой субстанции должны были группироваться в атомы, а последние в молекулы, Рудольф Штайнер в главе XXXII своей книги «Мой жизненный путь» называет мыслительным заблуждением. Его примыкающие к этому изложения, которые цитируются в заключение, противопоставляют спекуляциям атомизма всех разновидностей естествознание, которое, исходя из созерцания прафеномена, находит переход к духовному через органическое.

Рудольф Штайнер

Единственно возможная критика атомистических понятий

Современное естествознание рассматривает опыт как единственный источник для исследования истины. И это, конечно, не напрасно. Его область есть царство внешних пространственных вещей и временных процессов. Как можно было бы суметь обнаружить что-либо о каком-то предмете, принадлежащем внешнему миру, кроме как с помощью его чувственного восприятия, это единственный способ познакомиться, прийти в соприкосновение с пространственно-временным. Сначала знакомятся* с объектом и потом о нём теоретизируют – так звучит правило, которым с начала этого столетия пользуется современная наука в отношении спекулятивных систем натурфилософии. Этот принцип несомненно справедлив, но он посредством ошибочной точки зрения направил науку на ложный путь. Ошибка заключена в том характере, который индуктивный метод и вытекающие из него же материализм и атомистика приписывают общим понятиям. Для проницательного не может быть никаких сомнений в том, что нынешнее состояние науки в её теоретической части по существу находится под влиянием понятий, которые распространились через Канта. И

* См. Фишер, Старое и новое, 3 часть, с. 51 и далее.

мы должны с него начать наше рассмотрение, если хотим более детально остановиться на этой связи. Кант ограничил область познания опытом, потому что в чувственной, сообщённой через опыт материи он нашёл единственную возможность заполнить покоящиеся в нашей духовной организации совершенно пустые в себе понятийные схемы, категории. Чувственное содержание было у него единственным видом заполнения. Этим он направил суждение мира по другому руслу. Если прежде понятия и законы мыслили принадлежащими внешнему миру, если описывали их объективное значение, то теперь они оказались будто данными только благодаря природе «я». Хотя теперь внешний мир считался только грубой материей, однако такой, которая должна описываться как единственная реальность. Эту точку зрения индуктивная наука унаследовала от Канта. Также и материальный мир у неё слывёт как единственно реальное, понятия и законы у неё оправданы только в той степени, в какой они имеют его в содержании и сообщают его познание. Понятия, выступающие выше этой сферы, она считает нереальными. Всеобщие мысли и законы являются для неё голыми абстракциями, производными опытных соответствий в серии наблюдений. Она знает одни только субъективные основные принципы, обобщения – никаких конкретных понятий, несущих свою ценность в себе самих. На это необходимо обратить внимание, если хочешь из массы смутных понятий, находящихся в обращении в наше время, пробиться к полной ясности. Необходимо прежде всего спросить себя: *чем же в действительности является опыт*, приобретённый в отношении того или иного объекта? В трудах по философии опыта напрасно будут искать конкретный удовлетворяющий ответ на этот, несомненно, справедливый вопрос.

Познавать объект внешнего мира в отношении его сути всё-таки не может означать – воспринимать его самого органами чувств и набрасывать его изображение так, как представляешь его себе. Никогда не поймёшь, как из чувственного возникает соответствующая понятийная фотография и какая связь может быть между ними. Теория познания, исходящая из такой точки зрения, никогда не сможет прийти к согласию по вопросу о связи понятия и объекта.* Как же следовало бы рассматривать необходимость через непосредственно данное благодаря чувству /Sinn/ идти к понятию, если бы в первом уже была дана сущность объекта чувственного мира? К чему ещё понятия, если достаточно уже созерцания? Понятие, по крайней мере, было бы, если не фальсификацией, то всё-таки весьма ненужной добавкой к объекту. К этому можно прийти, если отрицаешь конкретность понятия и закона. В противовес таким образным объяснениям, как примерно и объяснения школы Гербарта: понятие есть духовный коррелят находящегося

* См. также остроумные высказывания Йох Ремке в его солидном произведении «Мир как восприятие и понятие» / «Die Welt als Wahrnehmung und Begriff»/, Берлин 1880.

вне нас объекта, и познание состоит в получении такого образа, – мы стремимся искать согласно более реальному разъяснению познания. Мы хотим соответственно задаче, которую мы себе ставим, ограничиться здесь познанием внешнего мира. В этом случае в акте познания принимается во внимание двоякое: утверждение мышления и утверждение органов чувств. Первое имеет дело с понятиями и законами, последнее с чувственными свойствами и процессами. Понятие и закон всегда суть нечто всеобщее, чувственный объект – нечто отдельное; первые могут быть только помыслены, последнее только созерцаемо. Средства, благодаря которым всеобщее нам является как отдельное, суть пространство и время. Каждую отдельную вещь и каждый отдельный процесс необходимо суметь вставить в понятийное содержание мира, ибо то, что в них не является закономерным и понятийным, нашим мышлением вовсе не принимается во внимание. Поэтому познать объект может только означать – то, что является нашим чувствам в пространстве, поставить во всеобщность понятийного содержания мира, значит дать полностью открыться. Итак, при познании пространственно-временного объекта нам ясно не дано ничего другого, кроме понятия или закона. Только через такое понимание одолеваешь упомянутую до этого неясность. Понятию необходимо дать его изначальность, его собственную, на себе самом построенную форму бытия и снова узнать его – только в другой форме – в видимом объекте. Так мы достигли реального определения опыта. Философия индукции по своей природе никогда не сможет достичь такого. Ибо необходимо показать, каким образом опыт сообщает понятие и закон. Но так как опыт рассматривает их обоих как нечто только субъективное, то для него с самого начала путь к этому отрезан.

Отсюда одновременно видно, какой неплодотворной была бы попытка захотеть разобраться с чем-либо по поводу внешнего мира без помощи восприятия. Как можно овладеть понятием в созерцаемой форме, не осуществляя самого созерцания? Если только осознаешь, что понятие и идея есть то, что предлагает восприятие, но в существенно иной форме, нежели в форме содержания чистого мышления, освобождённого от всего эмпирического, и что эта форма имеет решающее значение, то постигаешь, что должен вступить на путь опыта. Но допустим, что определяющим является содержание, тогда ничто не может быть противопоставлено утверждению, что то же содержание может быть приобретено и независимым от всякого опыта образом. Итак, опыт, пожалуй, должен быть основным принципом натурфилософии, но одновременно познанием понятия в форме внешнего опыта. И здесь происходит так, что современное естествознание приходит на ложный путь вследствие того, что оно не ищет в опыте ясных понятий. В этой части оно было неоднократно атаковано и также легко уязвимо. Вместо того, чтобы признать априорность понятия и

воспринимать чувственный мир как другую его форму, оно рассматривает само понятие как чисто производное внешнего мира, который является его абсолютным предшественником. Таким образом, самой вещью раскрывается одна лишь форма вещи. Из этой неясности понятий проистекает атомизм, поскольку он является материалистическим. Мы хотим здесь, основываясь на вышеупомянутом, подвергнуть это добросовестной критике и – как я полагаю, можно считать – единственно возможной.

Как ни расходятся мнения в частности, атомизм, в конце концов, исходит из того, что все чувственные свойства: звук, тепло, свет, запах и так далее – конечно, если видишь способ, каким механическая теория теплоты выводит закон Мариотта, – даже давление рассматривает как одну только видимость, одно только действие мира атомов. Исключительно атом считают последним фактором действительности. Теперь, чтобы быть последовательным, ему необходимо отказать в любом чувственном свойстве, *потому что иначе вещь объяснялась бы сама из себя*. Правда, когда идут к этому, должны строить атомистическую систему мира*, атому приписывают всякие чувственные свойства, хотя только в совершенно скудной абстракции. То считают его протяжённым и непроницаемым, то одним лишь силовым центром и так далее. Но этим совершают наибольшую непоследовательность и показывают, что не размышляли о вышеупомянутом, которое показывает совершенно ясно, что атому нельзя приписывать вообще никаких чувственных признаков. Атомы должны иметь недоступное чувственному опыту существование. Но и, с другой стороны, они сами и происходящие в мире атомов процессы не должны быть чем-то лишь понятийным. Понятие ведь есть только общее, существующее вне пространственного бытия. Но атом, пусть даже не пространственно, должен всё-таки присутствовать в пространстве, всё-таки представлять собой нечто особенное. Он ещё не должен быть исчерпанным в своём понятии, но сверх того должен иметь форму существования в пространстве. Этим в понятие атома включено свойство, которое его ликвидирует. Он должен существовать аналогично объектам внешнего восприятия, однако не может восприниматься. *В его понятии наглядность одновременно подтверждается и отрицается.*

Кроме того, атом заявляет о себе только лишь как продукт спекуляции. Если не принимаешь во внимание упомянутые прежде чувственные свойства, совершенно неправоммерно ему же приписываемые, то для него самого уже ничего другого не остаётся, кроме одного только «нечто», которое конечно неизменно, потому что в нём ничего нет, следовательно, ничто и не может быть уничтожено. Мысль голого бытия, которую

* Сюда относятся указания, которые Дюбуа-Реймон даёт по поводу такой системы, а также выполненные опыты Виснера /Wießner/, Шранна /Schrann/ и других.

перемещают в пространство, голая мыслительная точка – по сути дела, нам навстречу выступает только любая умноженная кантовская «вещь в себе».

Против этого можно было бы примерно возражать, что якобы всё-таки совершенно безразлично, что понимается под атомом, можно спокойно позволить историкам природы /Naturhistoriker/ этим оперировать – ибо во многих задачах математической физики ведь всё же полезны атомистические представления, – ведь в конце концов философ всё-таки знает, что тут имеешь дело не с пространственной реальностью, но с абстракцией, подобной другим математическим представлениям. Обращаться к принятию атома с этой точки зрения было бы, разумеется, промахом. Но дело не в этом. Философу в том атомизме важно, что атом и причинность* являются единственно возможными движущими силами мира; он либо отрицает всё немеханическое, либо всё же считает необъяснимым, исходя из наших возможностей познания.** Одно – рассматривать атом как только лишь мыслительную точку, иное – стремиться видеть в нём основной принцип всего бытия. Тем самым первая точка зрения никогда не выходит за пределы механической природы, вторая всё считает механическим действием.

Тому, кто стремился говорить о безвредности атомистических представлений, чтобы его опровергнуть, можно было бы спокойно поставить в упрек выводы, которые были извлечены из них же. Прежде всего, существуют два неизбежных вывода: во-первых, оценка первоначального существования расточается в далее совершенно неопределённых, взаимно абсолютно безразличных пустых отдельных субстанциях, во взаимодействии которых господствует только механическая необходимость, так что весь остальной мир явлений существует как пустой туман и это возникновение обязано чистой случайности; во-вторых, отсюда вытекают непреодолимые /unüberschreitbare/ границы нашего познания. Для человеческого рассудка, как мы показали, понятие атома есть нечто совершенно пустое, одно только «нечто». А так как атомисты не могут быть удовлетворены этим содержанием, но желают некоего действительного содержания и определяют это содержание так, как оно нигде не может быть дано, то они вынуждены провозглашать непознаваемость собственной сущности атома.

Относительно других границ знания необходимо заметить следующее. Если мышление рассматривают тоже как функцию взаимодействия взаимно безразличных непреходящих атомных комплексов, то отнюдь не стоит удивляться, почему нельзя постичь связь между движением атомов, с одной стороны, и, с другой стороны, ощущением и мышлением,* которое атомизм

* См. Фишер, Старое и новое, часть 2-ая.

** Это воззрение представлено Дюбуа-Реймоном в «О границах познания природы» и «Семь загадок мира», Лейпциг, 1882.

* Дюбуа-Реймон: «О границах познания природы», (см. сноску к с. 7).

поэтому и рассматривает как границу нашего познания. Здесь исключительно необходимо понять лишь то, где существует понятийный переход. Но когда понятие заранее ограничивают так, что в сфере одного понятия не находится ничего, что сделало бы возможным переход в сферу другого понятия, тогда понимание исключено с самого начала. Кроме того, этот переход ведь должен иметь не только спекулятивный характер, но он должен быть реальным процессом, то есть должен дать себя продемонстрировать. Но этому вновь возникает препятствие из-за нечувственности атомистического движения. С отказом от понятия атома эти спекуляции о границах нашего знания упразднятся сами собой. Ничего нельзя остерегаться больше, чем подобных определений границ, ибо по ту сторону границы тогда есть место для всевозможного. Самый неразумный спиритизм точно так же, как и самая бессмысленная догма, могли бы скрываться позади таких допущений. В каждом отдельном случае их довольно легко опровергнуть, когда показываешь, что ошибка всегда основана на том, что рассматривают голую абстракцию как большее, чем она есть, или только относительное понятие принимают за абсолютное и на других подобных заблуждениях. Большое число ложных представлений распространилось именно через неверные понятия о пространстве и времени.**

Поэтому оба эти понятия мы должны подвергнуть обсуждению. Механическое объяснение природы для допущения своего мира атомов, нуждается, кроме атомов, находящихся в движении, ещё и в абсолютном пространстве, это есть пустой вакуум, и в абсолютном времени, это есть неизменный масштаб последовательности.*** Но что такое пространство? Единственным ответом может быть – абсолютная протяжённость. Только она одна является отличительным признаком чувственных объектов, а, не считая этого, является некой голой абстракцией; только здесь в объектах и с объектами, а не наряду с ними, как атомизм и должен с неизбежностью принимать. Если должна существовать протяжённость, то нечто должно быть протяжённым, и оно не может быть опять, ещё раз протяжённостью. Здесь примерно можно возразить идее Канта об обеих перчатках левой и правой рук как доказательству абсолютности пространства. Говорится, что их одни и те же части имеют ведь одно и то же отношение друг к другу, и всё-таки нельзя обе привести к совмещению. Из этого Кант заключает, что отношение в абсолютном пространстве является иным, следовательно оно /абсолютное пространство/ существует. Но всё-таки гораздо ближе воспринять то, что отношение обеих перчаток друг к другу является именно таким, что их нельзя привести к совмещению. Как же должно мыслиться

** Фишер неоднократно высказывал о необходимости корректуры нашего понятия времени (Krit. Gänge, 1873, Altes und Neues, 3. Teil).

*** См: Отто Либман, Мысли и факты, Страсбург, 1882.

отношение в абсолютном пространстве? И даже положим, что это было бы возможно, тогда в абсолютном пространстве отношения обеих перчаток друг к другу всё-таки снова основали бы лишь подобное этим же отношениям. Почему это с таким же успехом не должно быть изначальным? Пространство, за исключением вещей чувственного мира, является бессмыслицей. Как пространство есть только нечто в объектах, так и время дано только в процессах и с процессами чувственного мира. Он является им самим внутренне присущим. Сами по себе оба являются лишь только абстракциями. Конкретные образования чувственного мира являются только чувственными вещами и процессами. Они представляют собой понятия и законы в форме внешнего бытия. Поэтому в своей простейшей форме они должны быть основой эмпирического учения о природе. Простое чувственное свойство, а не атом, основные факты, а не находящееся позади эмпирического опыта движение являются элементами учения о природе. Этим ему дано направление, которое является единственно возможным. Когда основываются на этом, совсем не искушаются говорить о границах познания, потому что имеют дело не с вещами, которым приписывают произвольные негативные признаки как сверхчувственное и тому подобное, но с конкретными реально данными объектами.

Из этих указаний последуют также важные выводы для теории познания. Но прежде всего несомненно, что атом и движение, стоящее позади эмпирического, должны быть заменены чувственными основными элементами внешнего опыта и впредь уже не могут считаться принципами учения о природе.

Рудольф Штайнер к Фридриху Теодору Фишеру

Вена, 20 июня 1882

Ваше высокоблагородие!
Высокоуважаемый господин профессор!

Ваше высокоблагородие, простите, если совершенно Вам незнакомый человек отваживается направить Вам это письмо и больше ничего не приводит в своё оправдание по той причине, что этот поступок кажется ему заслуживающим прощения только в том случае, если высокоуважаемый господин профессор воспримет его таковым.

То есть, я позволил себе переслать прилагаемую статью. Её печатанию до сих пор мешали внешние обстоятельства, и поэтому я приготовил её копию. Ваше высокоблагородие, из неё Вы увидите, что Ваши высокопочитаемые сочинения, полностью прочитанные мной, давали к этому

неоднократные побуждения. Я полагаю, что это должно быть однажды принято всерьёз против того понимания мира, которое хочет признавать только атом и механические процессы. Моя статья, кажется мне, касается вопроса, исключительно от которого это зависит. Неуклюжий стиль и возможно не всегда вполне ясное изложение, пожалуй, могут нанести делу вред. Когда-то я вполне вжился в механически-материалистическое понимание природы и был убеждён в её истине точно так же, как в нынешнее время убеждены многие другие; но я *сам пережил* и противоречия, которые вытекают из этого. Поэтому то, что я выдвигаю, не одна только диалектика, но собственный внутренний опыт. Поскольку я знаю, как я тогда мыслил, я могу это мировоззрение сознать также в его глубочайшем существе, и вижу его недостатки возможно легче, чем другие, которые прошли другой путь образования. Моими профессиональными занятиями ведь являются математика и естествознание.

Взгляды, которые Ваше высокоблагородие имеет о дарвинизме, кажутся мне зародышами для суждения более позднего времени об этом. От исправления понятия времени можно действительно ждать спасения науки в различном отношении. Таким способом несомненно можно достигнуть больше, чем через тщетные усилия Карнериса и других, которые хотят с этикой соединить дарвинизм даже со всеми его неправдами и неясностями.

Наконец, я позволю себе, если Ваше высокоблагородие не сочтёт эту просьбу несправедливой, очень просить сообщить мне только несколько строк Вашего суждения о высказанном в этой статье. Если я с превосходящей меру дерзостью выступаю за пределы обычного приличия, то в своё оправдание я на самом деле не имею ничего, кроме своего горячего энтузиазма в отношении истины и мысли, что Ваше высокоблагородие, конечно, простит своего почитателя, если он ради этого осмелился сделать нечто, что в любом другом случае было бы бесцеремонностью.

С совершенным почтением
Рудольф Штайнер

Адрес с завтрашнего дня: Brunn am Gebirge, Nieder-Österreich.

Рудольф Штайнер
«Первые ростки духовной науки»

Из доклада, прочитанного в Лейпциге 11 июня 1917 года.

... Что ж, теперь 1917 год, 35-36 лет тому назад произошло так, что я попытался заложить первые ростки того, что сегодня я называю духовной наукой. Тогда, когда я изложил первые мысли об этом мировоззрении, мне в руки попала статья крупного, значительного эстетика и философа Фридриха Теодора Фишера, которого называли фон Фишер /V-Vischer/. Она касалась чрезвычайно интересного произведения теперь лейпцигского философа Иоганна Фолькельта, его книги «Сновидение-фантазия» (Штутгарт 1875). В этой статье Фишера находится один удивительный тезис, на котором я должен был тогда остановиться, за который я должен был взяться – я бы сказал – со всем устремлением. По сути дела, я уже погрузился – и поэтому должен был остановиться именно на этом тезисе. Этот удивительный тезис, который изложил здесь Фишер: Единство душевной жизни совершенно определённо может быть локализовано не в теле, хотя оно собственно нигде, кроме как в теле не может происходить. – Это совершенно парадоксальный тезис. Здесь некто говорит: То, что является единой душой, не может существовать в теле, но не может существовать и вне человеческого тела. – Полное противоречие! И всё-таки – противоречие, к которому определённое человеческое мышление должно приходить не благодаря произволу, но благодаря безусловной внутренней необходимости. И можно было бы не одно – можно было бы назвать сотни таких противоречий, к которым должно приходить обычное мышление и даже обычное научное мышление. Когда же оно приходит к такому противоречию, что же оно делает? – Оно останавливается, например, на границе возможности человеческого познания. Оно говорит: Человек имеет определённую способность познания, которая ведёт его к границам, и эти границы он не в состоянии перешагнуть.

Уже тогда из первых ростков того, что я называю здесь духовной наукой или антропософией, которые получились у меня, я должен был сказать себе: Другое отношение к этим так называемым «граничным вопросам», в отличие от обычно существующего отношения, – это то, от чего зависишь, когда хочешь основать истинную науку о душе и духовную науку. И тогда я изложил мысли, которые я получил, исходя из этого тезиса Фишера, из Фишера, который чрезвычайно любезно потом ответил, что действительно именно в способе, какой я привёл в связи с представлением времени в статье, которую я послал ему, открылся некий путь к познанию духовной жизни. Я верю что такой человек, как Фридрих Теодор Фишер, который ещё стоял внутри традиций первой половины XIX столетия, на самом деле, исходя из своей науки и философии, смог бы присоединиться к духовной науке, что сегодня, как кажется, так трудно найти со стороны других наук; и происходит так, что со стороны других наук и обычного

сознания находишь собственно только вражду и противостояние духовной науке. Только Фишер вскоре после этого умер. И таким образом без его помощи всё-таки осуществилось то, что лежит в основе моих сочинений и докладов как представленная мной духовная наука.

Из предисловия ко второму изданию книги «Основные черты теории познания гётевского мировоззрения, с особым вниманием к Шиллеру»

... Так мой взор был направлен на путь от чувственного наблюдения к духовному, что для меня было predetermined во внутренней познающей жизни. Я искал позади видимых явлений не бездуховный атомный мир, но духовное, которое явно открывается в глубине души человека, но которое на самом деле принадлежит самим чувственным вещам и чувственным процессам. Через образ действий познающего человека возникает видимость, как будто мысли вещей находятся в человеке, между тем как в действительности они царят в вещах. Человеку не нужно отделять их от вещей при переживании внешнего вида; при истинном переживании познания он их снова возвращает вещам.

Тогда развитие мира можно понять так, что вышеупомянутое бездуховное, из которого позже разовьётся духовность человека, имеет духовное подле и вне себя. Более поздняя одухотворённая чувственность, в которой предстанет человек, появится затем благодаря тому, что духовный предок человека объединится с несовершенными бездуховными формами и затем, преобразуя их, появится в явной форме.

Эти ходы мыслей вывели меня через тогдашних теоретиков познания, чью проницательность и научное чувство ответственности я полностью признавал. Они вели меня к Гёте.

Сегодня я вынужден мысленно возвращаться к моей тогдашней внутренней борьбе. Мне было нелегко сделать это – преодолеть мыслительные ходы тогдашней философии. Но моей светящейся звездой всегда было всецело достигнутое через себя самого признание факта, что человек может созерцать себя внутренне как независимый от тела дух, стоящий в чисто духовном мире.

До моей работы о естественнонаучных сочинениях Гёте и до этой теории познания я написал маленькую статью об атомистике, которая никогда не была опубликована. Она держалась указанного направления. Я могу припомнить, какую радость я испытал, когда Фридрих Теодор Фишер, которому я послал эту статью, написал мне несколько ободряющих слов.